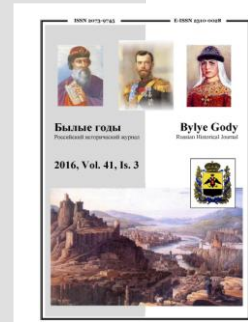

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 725-733, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 394

The transformation of everyday historical memory of the peasants of Central Black Earth region in the post-reform period

Andrei A. Linchenko ^{a, *}, Evgenii V. Belyaev ^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk branch, Russian Federation

^b Lipetsk Environmental and Cultural Institute, Russian Federation

Abstract

The article deals with the metamorphosis of the everyday historical memory of the peasants of the Central Black Earth region. The common approach, linking the historical memory of the peasantry with historical knowledge about the kings, generals, historical figures exclusively is overcome on the basis of the constructive methodology for studying the historical memory. The transformation of daily historical memory of the post-reform peasants is described in the context of changing traditional notions of peasant about labor, life and leisure. The changes of traditional norms, values and objectives of economic, legal and family memory of the Russian peasantry are shown on the materials of different archival sources, the data of the Counties' statistics. It is shown that the traditional experience of the agricultural practices of the peasantry ceases to act as an important reference point of economic activity and forms another shape of economical memory that goes beyond land redistribution and traditional land inheritance. The conclusion is that the transformation of the public authorities of the peasantry in the post-reform period was associated with the overcoming of the traditional office, stereotypic behaviour of the officials. It has been shown that a significant enhancement of critical attitude to the traditions of the past is observed in the sphere of family relations.

Keywords: peasantry, historical memory, «Great Reforms», everyday historical memory.

1. Введение

Трансформация современного российского общества представляет собой очередную попытку модернизации, проникающую во все сферы общественной жизни, среди которых историческая память занимает далеко не последнее место. Это связано с тем, что именно историческая память в условиях кризисных периодов и переходных эпох оказывается тем символическим ресурсом, который позволяет сформировать определенную преемственность исторического смысла, определенную целостность связи прошлого, настоящего и будущего. Однако, изучение специфики модернизации массовой исторической памяти сегодня не может не учитывать особенности трансформации исторической памяти в России в другие эпохи, одной из наиболее важных среди которых по праву может быть названа эпоха Великих реформ 1860–1870-х гг.

Вместе с тем, проблемы трансформации российской исторической памяти в пореформенное время не могут обойти стороной мир русского крестьянства, где метаморфозы исторической памяти имели свою логику, во многом вытекающую из особенностей крестьянской повседневной жизни. Именно в этом аспекте авторы статьи и будут стремиться проанализировать особенности трансформации исторической памяти крестьян Центрально-Черноземного региона в пореформенное время.

2. Материалы и методы

* Corresponding author

E-mail addresses: linchenko1@mail.ru (A.A. Linchenko), gack1@yandex.ru (E.V. Belyaev)

2.1. Исследование основано на результатах анализа архивов Липецкой, Тамбовской и Рязанской областей, которые являются первичным массовым источником делопроизводственной документации, относящейся к деятельности волостных и сельских органов крестьянского самоуправления. Важным источником, позволяющим оценить показатели хозяйственной деятельности крестьян, являются материалы земской статистики, полученные в результате обследований уездов, ревизий, периодически проводившихся земствами. Наконец, не менее ценным источником являются привлекаемые нами материалы этнографических обследований крестьян. Взгляд этнографа, не всегда объективный, позволяет, вместе с тем, отследить изменения, происходившие в повседневной бытовой жизни сельских жителей.

2.2. Вместе с тем, какая методология могла бы помочь нам в осмыслении эмпирического материала? В данном случае, традиционные методы отечественного крестьяноведения оказываются дополненными теми теоретическими результатами, которые были получены в сравнительно новой области исследований, получившей название *memory-studies*. Данная область исследований является междисциплинарной и располагается на стыке философии истории, новой интеллектуальной истории, устной истории, методологии школы *Annals*. Общей методологической установкой современных исследователей, работающих в русле *memory-studies* является конструктивистский подход, рассматривающий прошлое не в качестве некоего статичного объекта, но зависящего от перипетий настоящего, его оценок, новых моделей поведения и деятельности (Olick, Robbins, 1998: 106). Это означает, что прошлое постоянно изменяется, вслед за потребностями настоящего. Именно этот мотив лежит за большинством определений исторической памяти сегодня, которая, по мнению Л.П. Репиной является одним из измерений индивидуальной и коллективной (социальной) памяти, направленной на репрезентацию исторического прошлого: «историческая память – это совокупность донаучных, научных, квазинаучных и венаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» (Репина, 2005: 133). Однако, историческую память было бы неверно понимать в качестве некоего статичного объекта. Так, например, Джеффри Олик предлагает рассматривать коллективную память не как устоявшийся теоретический конструкт, а как некую совокупность различных форм социального пространства и его практик, в которые включаются как обычные воспоминания, так и общие формы поддержания культурных образцов. Память для него – это социальная деятельность, процесс, а не статичный объект. Память оказывается зависимой: во-первых, от ее социального контекста, во-вторых, от средств передачи памяти, в-третьих, память оказывается процессуальной и зависимой от жанровой специфики дискурса, и, в-четвертых, социальная память оказывается не причиной или продуктом, а частью процесса самоопределения общества (Olick, Robbins, 1998: 108). Конструктивистская методология изучения исторической памяти Джеффри Олика позволяет рассматривать историческую память как, прежде всего, совокупность коммеморативных практик, под которыми современные исследователи понимают совокупность социальных практик, направленных на воспроизводство различных образов прошлого, значимых в социально-политическом, экономическом и культурном контекстах настоящего (Аникин, 2014: 19). В данном случае, в горизонте нашего исследования появляется еще одно понятие, получившее сегодня широкое распространение в рамках *memory-studies*. Речь идет о понятии исторической идентичности. Как известно, термин «идентичность» употребляется в двух различных значениях: во-первых, идентичность («idem») рассматривается как синоним «аналогичного», «в высшей степени сходного», «того же самого», «неизменного во времени», а во-вторых, данное понятие трактуется как «самость», тождественность индивида самому себе («ipse»). Коммеморативные практики всегда являются практиками идентификации, а понимание особенностей исторической памяти той или иной группы всегда отправляет нас к особенностям ее самоидентификации. Подход этот, далеко не новый, будет рассматриваться авторами в качестве еще одного из методологических ориентиров.

3. Обсуждение

Вопросы исторической памяти российского крестьянства давно находятся в поле изучения российских исследователей (Громько, 1986; Буганов, 2008; Безгин, 2000; Шатковская, 2000 и др.). Можно выделить два направления исследований, первое условно назвав «этнографическим», второе – «историческим». Исследователи этнографического направления рассматривают историческую память, в первую очередь в контексте знаний о прошлом. Поле исторической памяти, таким образом, сильно сужается до пространства исторических знаний и отношения крестьян к событиям, русским царям и полководцам (Буганов, 2008). В рамках второго направления исследуются отдельные проявления крестьянской повседневности и быта, а также крестьянские обычно-правовые нормы (Безгин, 2000; Земцов, 2007; Шатковская, 2009; Nafziger, Williams, 2012). Оба направления, таким образом, под разным углом зрения анализируют социальную реальность сельских жителей, их быт и нравственность, религиозную жизнь и структуру общественных отношений, экономические основы их хозяйственной деятельности. Вместе с тем, следует признать, что социальная реальность является сложным феноменом, включающим в себя не только конкретные аспекты поведения крестьян в той или иной ситуации, но и мотивы этого поведения, факторы, которыми руководствовались сельские жители при выборе той или иной модели поведения. Это означает, что трансформация исторической памяти пореформенного крестьянства может быть прослежена не только на примере их исторических

знаний. Она может быть выявлена и в контексте трансформации повседневных практик, повседневной деятельности, экономической, правовой, культурной, религиозной.

Прошлое, а вернее опыт прошлого, воплощающийся частично в знаниях о прошлом, а частично в привычных моделях и схемах поведения не всегда укладывается в те формы мест памяти, о которых писал известный французский исследователь памяти Пьер Нора (топографические, монументальные, символические, функциональные). Вернее, данные коммеморативные практики, заставляя индивида или коллектив людей обратиться к прошлому в силу определенных причин (в том числе и политических), по сути, нарушают привычный ход вещей и в том числе привычное, повседневное отношение к прошлому. Заметим, что сама проблематика повседневности получает новое дыхание и смысл как раз в контексте различных версий пространственного подхода к пониманию памяти и идентичности (П. Бурдьё, Дж. Олик, Б. Латур). Если же говорить о самой проблеме идентичности, то еще Ж. Делез и Ф. Гваттари в концепции номадологии показали, что рассуждения об идентичности неотделимы от социальной и политической реальности общества, в котором они развиваются. Идентичность в таком понимании оказывается совокупностью практик идентификации, зависимых от среды. То же можно и сказать относительно исторической идентичности, факторами воздействия на которую оказываются повседневные и неповседневные коммеморативные практики.

Конечно, повседневность не исчерпывает всех сторон коллективной памяти, поскольку можно говорить и о неповседневных практиках памяти (Schwartz, 1982: 383). Однако, именно дихотомия «повседневное-неповседневное» позволяет нам лучше понять специфику различных форм воспроизводства исторического опыта в исторической памяти и историческом сознании и соответствующие формы идентификации. Как видится в первом приближении, одно из различий между повседневными и неповседневными коммеморативными практиками лежит в специфике выделения опыта прошлого как предмета деятельности. В неповседневных коммеморативных практиках обращение к прошлому является важнейшей целью той или иной деятельности, будь то коммеморации или деятельность в рамках различных институтов памяти (например, архивов, библиотек, музеев). То же можно сказать и про путешествия и поездки, а также образовательные практики, где целью и предметом деятельности может являться прошлое как таковое. Как раз данный аспект коммеморативных практик оказался достаточно хорошо исследованным в современной литературе. Сложнее дело обстоит с повседневными коммеморативными практиками, под которыми мы понимаем формы обращения к опыту прошлого в контексте различных видов повседневной деятельности, и прежде всего в труде, быте и досуге. В данном случае прошлое как таковое не является непосредственным предметом деятельности, что, однако не отменяет особые способы воспроизводства исторического опыта, который может сохраняться или пересматриваться в контексте отношения к традициям труда, быта и досуговой деятельности.

Характеризуя повседневность, отечественные исследователи указывают на рутинность, типизированность, привычность и автоматизированность действий, которые совершаются с помощью подручных средств привычного предметного универсума; своеобразие темпоральной структуры, представляющей собой временные режимы работы, домашних дел и свободного времени. К этим особенностям могут быть также отнесены стереотипность сознания; экономия мышления и действия; определенный наивный реализм; и, наконец, национально-культурный и биографический контексты содержания повседневности (Любутин, Кондрашов, 2007).

Если конкретизировать специфику повседневных коммеморативных практик, то надо заметить, что они являются частью соответствующих трудовых, бытовых отношений, равно как и сферы досуга. Обращение к прошлому, освоение исторического опыта, конфигурация воспоминаний в таком случае всегда будет производна от соответствующих целей, средств и получаемого результата деятельности. Освоение исторического опыта в подобном случае оказывается фрагментарным, отрывочным, всегда связанным с контекстом хозяйственной и правовой деятельности, практиками семейной и религиозной жизни. И вместе с тем, благодаря непосредственному характеру повседневности, механизмам рутинизации, коммуникативным процессам исторический опыт превращается в традицию, формируя определенные повседневные стороны знаний о прошлом. В данном случае понятие «традиция» обозначает передачу навыков, представлений, обычаев в пр. во времени, в устной или письменной, коллективной или личностной форме. В этом повторении рождается идентификация субъекта деятельности с той или иной частью прошлого, будь то вещно-предметный или смысловой универсум. И здесь уже знания о прошлом, воплощенные в исторических знаниях о великих деятелях, правителях, полководцах или событиях отодвигаются на второй план. Восприятие прошлого в повседневном контексте оказывается отношением ко всему прошедшему и уходящему во всем пространстве хозяйственной, правовой, семейной и религиозной памяти.

4. Результаты

Обращение к фактическому материалу деятельности сельских жителей позволяет сделать ряд выводов. Наименее восприимчивой к изменениям следует назвать хозяйственную деятельность пореформенного крестьянства. Находясь в условиях общественного контроля со стороны сельских органов самоуправления, пореформенное крестьянство сохраняло ядро традиционных представлений о нормах и порядках севооборота, наделения земель, сроках земледельческих работ.

Интенсификация сельскохозяйственного производства не стала основой эффективной сельскохозяйственной деятельности сельских жителей. В силу этих обстоятельств сохраняли свое значение отрицательные стороны общинного землепользования, однако сама форма общинной организации претерпевала определенные трансформации. В частности, изменились принципы распределения наделной земли, что выразилось в применении нескольких форм раскладки земельного общинного надела: по тяглам, по работникам, по ревизским душам, по наличным душам, «по жеребью», «по едокам», по имущественному положению, по лицам мужского пола, «по милу», а также, закрепление земли в наследственном владении (подворно-четвертное землевладение).

Кроме того, удлинялись сроки между проведением коренных переделов земли, либо происходил полный отказ от них. В таком случае земля закреплялась в руках тех крестьян, кто ее обрабатывал на момент последнего передела. Это можно было бы объяснить, в частности, отсутствием проведения ревизии, а также правовой безграмотностью пореформенных крестьян, их неуверенностью в законности проведения данной процедуры. Известный своими народническими взглядами, исследователь общины В.П. Воронцов отмечал, что «за незнанием последнего (закона), крестьянин должен был решать его (вопрос о переделе) самостоятельно, т.е. в нем совершалось изменение взглядов, вырабатывалось новое отношение к предмету, новая форма для важнейшего акта общественной жизни: назначение момента передела из акта государственного, общего для всей страны, превращался в обыкновенный акт общинной самодеятельности, различной для каждой отдельной общины. Это, – считал В.П. Воронцов, – очень важная перемена, и не удивительно, если для ее выяснения потребовалось 20–30 лет» (Воронцов, 2008: 100).

О том, что даже в переделных общинах все большее распространение приобретал факт наследственного закрепления земли за теми, кто ее обрабатывал, свидетельствует большое число обществ, в приговорах которых отсутствовал срок следующего передела. В посчитанных нами 403 общинах (58,83 %) в приговорах сроки переделов обозначались, как правило, «на неопределенное время», «на неопределенный срок», что, по сути, приводило к закреплению наделного фонда за теми, кто владел наделом на момент последнего передела и превращению сельских жителей в фактических собственников. Очевидно, в вопросах землеустройства не традиции и обычаи играли важнейшую роль, а специфика экономической модели, заложенной законодательством 1860-х гг. и выгоды, которые получало крестьянское хозяйство от наследственного закрепления наделной земли.

В 1860–1880-е гг. происходил постепенный процесс изменения типов севооборота. Уже к началу XX в. в Европейской части России насчитывалось порядка 20 % хозяйств крестьян, применявших многопольный и четырехпольный севооборот (Анфимов, 1980). Эти данные означают, что выбирая между традиционным и экономически рациональным, российское пореформенное крестьянство все чаще отказывалось от традиции в пользу обоснованных с точки зрения ведения хозяйства, решений. Это в свою очередь способствовало росту изменений в ценностях и ориентирах хозяйственной памяти крестьянства, заставляя иначе относиться к прошлому.

Обратимся теперь к другой составляющей сельского быта, а именно, к общественному самоуправлению крестьян, которое, как известно, существовало и до «Великих реформ», у помещичьих крестьян – де-факто в виде мирских сходов, у государственных – де-юре после реформ управления государственной деревни П.Д. Киселева. Уровень ведения делопроизводственной документации, отражающей деятельность сельских и волостных органов самоуправления, отражает общую, типическую ситуацию с тем, насколько грамотно и подробно велись разнообразные отчетные книги. В этом смысле бюрократизация – явление, в целом характеризующее общий уровень правовой культуры: следование «нормам» обычного права не требует обращения к бумаге. Напротив, стремление зафиксировать то или иное решение отражает закономерное стремление решить дело не «по обычаю», а по закону, отражает новые ценности правовой памяти.

Несмотря на то, что коронным законодательством не предусматривалось особых форм ведения документации, уже с начала 60-х гг. властями делались уточнения и разъяснения по поводу отражения информации в делопроизводственной документации крестьян. В этих условиях крестьянские волости и сельские общества нуждались в грамотных кадрах, понимавших основы делопроизводства.

Анализ материалов 1870-х гг., когда на общественные должности не заступило еще новое поколение крестьян, рожденных после эмансипации, дает представление об уровне ведения делопроизводственной документации сельскими должностными лицами. В обследованных волостях Спасского уезда Рязанской губернии грамотность должностных лиц в сельских обществах составляла от 3,6 до 45 % (Доклады членов, 1877: 69, 88, 104, 125, 133, 140). Способы ведения документооборота должностными лицами поражают своей оригинальностью: к примеру, в Казачьей волости Данковского уезда сельский староста для ведения счетоводства использовал бичеву с нанизанными на нее четырехгранными бирками, на ребрах которых изображались специальные знаки, соответствующие определенным суммам (Доклады членов, 1877: 103).

Небрежность ведения документооборота, неграмотность большинства крестьян, зачастую, приводила к путанице в сметах, а также к многочисленным фактам коррупции мирских капиталов. В упоминаемой уже Казачьей волости ее администрация вела дела «небрежно и не совсем выгодно для

волости, так, например, собирает деньги на пожарную трубу и не чинит ее» (Доклады членов, 1877: 104). Податные тетради сельских обществ содержали такие статьи расходов: «на проезд старшины», - расход немалый, доходит до 2 рублей 75 копеек за проезд...» (Доклады членов, 1877: 60).

Однако уже в источниках конца 1880-х гг. отмечалось, что «замечается несравненно больше порядка в раскладке крестьянских сборов и ведении сельской отчетности» (СДЭПКРГ, 1892: 293). А. Селивановым представлены любопытные сведения о статистике растрат сельскими и волостными должностными лицами в 1888 и 1889 гг.: если в 1888 г. в 12 уездах Рязанской губернии было зафиксировано 116 фактов растрат на сумму 11950, 21 руб., то в 1889 г. – лишь 51 факт на сумму 3053,69 руб. (СДЭПКРГ, 1892: 293). Эти сведения, хоть и не могут репрезентативно отражать динамику происходивших в деревне процессов, но, по-видимому, отражают ситуацию усилившегося контроля со стороны утвержденных земских участковых начальников и установлению определенного порядка в сметной документации.

В проанализированных нами приговорах сельских сходов конца 1880-х гг. обязательными стали ежегодные акты, посвященные учету деятельности сельских старост и сборщиков, в которых фиксировались поступления денег и расходы сельских старост (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–1 об., 12–13, 17 об. 18 об.; Ф 410. Оп. 1. Д. 5а. Л. 100 б., 250 б. – 26). Все это говорит о повышении эффективности деятельности сельских должностных лиц. Развивался документооборот, что требовало от сельских должностных лиц владения определенными правилами делопроизводства. В «Общем Положении» было указано на необходимость ведения четырех книг волостным правлением и всего одной – сельским обществом. На практике волостная и сельская делопроизводственная документация ими не ограничивалась. Ф.А. Преображенским отмечалось, что «по вдохновению писарей, заводятся 70–75 книг, кроме массы ведомостей и т.п.» (Преображенский, 1893: 30–31).

Бюрократизация означает стремление сельских старост и волостных старшин, волостных писарей действовать в соответствии с законными нормами, а не устным образцом или обычаем, принятым в данной местности. В деревне происходило замещение традиционных форм новыми, основанными на писаном праве и законе. В данном случае, правовой опыт прошлого теряет свою символическую значимость и переосмысливается в новых условиях.

В решении насущных для себя проблем сельский житель все чаще обращался не к традиционным мирским институтам, а к официальным структурам крестьянского самоуправления. Это отчетливо проявляется в возникшей в 1860-е гг. обязанности письменно зафиксировать сделки и договоры между крестьянами. В книгах сделок и договоров отражались условия, стоимость оплаты работ и услуг (ГАТО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1). Это означает, что принятые ранее обычаи рукобитья уходят в прошлое, становятся анахронизмом.

Наблюдения С. Матвеева позволяют отметить важное изменение в правовом сознании сельских жителей: «с тех пор, – писал он, – как земельное законодательство стало проникать в область земельных отношений, в область обычного права, в деревне появилось стремление «умненько» записать свое арендное, например, право. Обыкновенно аренда или «покупка в годы» совершалась без письменных документов, «по совести», «по Божьи»... А так как с некоторых пор «умные люди» поняли значение письменного документа, – «если все сделать по закону», – то и стали поступать «по закону», а это в начавшейся путанице людских понятий значило большей частью не «по совести» и не «по Божьи» (Матвеев, 1913: 119).

Таким образом, к концу XIX столетия в сфере обычно-правовых отношений в крестьянской среде очевидно наметился крен в сторону отказа от применения традиционных норм, что существенно изменяло и правовую память. Существенно повышалось значение письменного документа, а это требовало не только владения азами грамотности, но и понимания содержания написанного текста.

Важнейшей стороной крестьянской повседневности являлась область внутрисемейных отношений. Семья, как основной социальный институт, сохраняя важнейшие ценностные императивы, осуществляла социальный контроль, поддерживала порядок «по обычаю». Вместе с тем, после 1861 года наблюдаются тенденции, которые по своему влиянию, можно назвать революционными. Речь идет о процессе трансформации самой семьи, стремительном переходе от расширенных семей преимущественно к нуклеарным, что также явилось источником метаморфоз семейной памяти крестьян.

Наблюдения А.П. Звонкова, произведенные в Елатомском уезде Тамбовской губернии, позволили ему сделать вывод о разложении большой семьи артельного типа: «Лучший выразитель патриархального начала, – писал он, – задруга, – теперь разложилась на естественные свои единицы – малые семьи, с более или менее самостоятельным характером членов. Экономический строй этой семьи оказал паразитирующее влияние на традиционные взгляды, нещадно поломал старые отношения» (Звонков, 1889: 25–26). Несмотря на правительственные ограничения семейных разделов, предпринятые в 1880–1890-х гг., крестьянские семьи все чаще производили разделы, часто неформально, без необходимых для этого 2/3 голосов на сельском сходе. Возможности мирского контроля этого явления, в пореформенное время стали, в значительной степени, ограниченными. Исследователь Рязанской губернии Л.И. Мичурин отмечал: «При безвластии родителей и старших в семье, стремление к праздной и гулливой жизни стало общим правилом, также общее отсутствие бережливости и самое равнодушное к

земельной собственности, по невозможности вести хозяйство за малым числом рабочих рук в семьях, вследствие безрассудных семейных разделов по капризам и неуживчивости членов семьи» (СДЭПКРГ, 1892: 301). Несмотря на явно тенденциозное отношение автора к происходившим в деревне переменам, можно увидеть, насколько они были глубоки и необратимы.

Отказ от традиционных патриархальных семей, стремление крестьянской молодежи к экономической самостоятельности, наконец, снижение уважения по отношению к старшим членам семьи – все это стало обыденным явлением крестьянской повседневности. Уже 1880-е гг. происходило уменьшение количественного состава семей. Проведенный нами анализ земской статистической отчетности по Рязанской губернии позволяет сделать вывод о том, что семьи, в которых в 1880-е гг. было меньше 3-х полноценных работников, составляли явное большинство – 76 %, при этом 63,3 % составляли семьи, в которых был всего 1 полноценный работник. Это означает, что уже к 1880-м гг. основными становились малые семьи с одним мужчиной-домохозяином.

Трансформация семьи имела другое важное последствие – изменение положения женщины в семье. Конечно, нельзя утверждать, что нуклеарная семья повсеместно превратила женщин в равноправных по сравнению с мужчинами-домохозяевами субъектов, но тенденция такая очевидно наметилась. «Женщина, отмечал А.П. Звонков, – поднялась из своего рабского приниженного состояния, смело заявила о правах своих и глава семейства, прежде – гордый старейшина и безусловный повелитель рода, уступил теперь ее требованиям и начал делиться верховными правами» (Звонков, 1889: 26).

5. Заключение

Таким образом, современное состояние memory-studies в России и за рубежом актуализирует вопросы изучения новых уровней и сфер исторической памяти, в которых повседневное измерение занимает далеко не последнее место. Отношение к прошлому в контексте повседневных коммеморативных практик и практик идентификации оказывается в определенном смысле производным от воспроизводства традиций труда, быта и досуга, их значения в качестве ориентиров поведения и образа жизни. Конструктивистский подход к исторической памяти позволяет с иных методологических позиций посмотреть на проблемы трансформации исторической памяти пореформенного крестьянства Центрально-Черноземного региона, чем общепринятый анализ крестьянских представлений о важнейших исторических событиях и деятелях прошлого.

В пореформенное время происходит существенная трансформация традиционных представлений о нормах и порядках севооборота, наделения землей, сроках земледельческих работ. Традиционный опыт земледельческих практик крестьянства перестает выступать значимым ориентиром экономической деятельности, формирует иной облик хозяйственной памяти, выходящей за рамки циклов переделов земли и традиционных форм земельного наследования. Существенные изменения происходят и в отношении к традициям бытовой сферы. В частности, трансформация общественного самоуправления крестьянства в пореформенный период была связана с преодолением традиционного делопроизводства, стереотипов поведения должностных лиц. Правовой опыт прошлого утрачивает свое символическое значение, изменяя ценности и смысловые ориентиры правовой памяти. Наконец, заметное усиление критического отношения к традициям прошлого наблюдается в сфере семейных отношений. В данном случае трансформация семейных отношений была связана со стремительным переходом от расширенных семей к преимущественно нуклеарным семьям. Это приводит к изменениям семейной памяти, в которых патриархальные традиции прошлого перестают выступать значимым ориентиром поведения и образа жизни, уступая новым и более рациональным механизмам поведения. Модернизация в российской деревне во второй половине XIX века изменяет саму значимость опыта прошлого, который из сферы актуальной практической значимости превращается в знания о прошлом, маловостребованные в ускоряющемся и изменяющемся потоке общественной жизни.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (грант МК-3670.2015.6) и гранта РГНФ 16-33-01019 «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации».

Литература

Аникин, 2014 – Аникин Д.А. Конструкция социальной памяти: от структуры к сети // Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска. Сборник статей международной научной конференции. Липецк-Тамбов, 2014. 400 с.

Анфимов, Зырянов, 1980 – Анфимов А.М., Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914) // История СССР. 1980. № 4. С. 26–41.

Анфимов, 1980 – Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. М.: Наука, 1980. 200 с.

- Буганов, 2008** – Буганов А.В. Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX – начала XX вв.) // *Новый исторический вестник*. 2008. № 18. С. 40-49.
- Безгин, 2000** – Безгин В.Б. Обычное право русской деревни (вторая половина XIX – начало XX вв.). Тамбов, 2000. 48 с.
- Громыко, 1986** – Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука. 1986. 278 с.
- Воронцов, 2008** – Воронцов В.П. Артель и община. М.: Астрель. 2008. 1078 с.
- ГАРО** – Государственный архив Рязанской области.
- ГАТО** – Государственный архив Тамбовской области.
- Доклады членов, 1877** – Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Ряжского. Москва. 1877. 224 с.
- Земцов, 2007** – Земцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). Воронеж. Издательство Воронежского государственного университета. 2007. 264 с.
- Звонков, 1889** – Звонков А.П. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Труды этнографического отдела императорского общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Книга IX. Вып. I. М., 1889. С. 113-121.
- Любутин, Кондрашов, 2007** – Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: Методологический подход. Екатеринбург. УрГУ, УрО РАН-РФО. 2007. 295 с.
- Матвеев, 1913** – Матвеев С. Из жизни современного крестьянского «мира» (В волостных старшинах) // Русское богатство. 1913. № 9. С. 108-142.
- Репина, 2005** – Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122-169.
- Преображенский, 1893** – Преображенский Ф.А. Вопросы крестьянского самоуправления. Сельские учреждения и должностные лица. М., 1893. 87 с.
- СССРГ, 1882** – Сборник статистических сведений Рязанской губернии. Т. II. Вып. II. Скопин, 1882. 266 с.
- СДЭПКРГ, 1892** – Свод данных об экономическом положении крестьян Рязанской губернии. Рязань, 1892. 431 с.
- Шатковская, 2000** – Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов-на-Дону, Издательство РГЭУ, 2000. 304 с.
- Шатковская, 2009** – Шатковская Т.В. Институциональные основы обычно-правовой системы российских крестьян второй половины XIX – начала XX вв. // *Философия права*. 2009. № 4. С. 26-30.
- Nafziger, Williams, 2012** – Nafziger S., Williams C. Serfdom, Emancipation, and Off-Farm Labour Mobility in Tsarist Russia // *Economic History of Developing Regions*. 2012. Vol. 27. Nr 1. pp. 1-37.
- Olick, Robbins, 1998** – Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. pp.105-140.
- Schwartz, 1982** – Schwartz B. The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory // *Social Forces*. 1982. Nr 61. pp. 375-402.

References

- Anikin, 2014** – Anikin D.A. Konstruktsiya sotsial'noi pamyati: ot struktury k seti [Constructions of social memory: from the structure to the network], The transformation of the youth's historical consciousness in the risk-society. The proceedings of the International scientific conference. Lipetsk-Tambov: Pershin R.V. Publishing, 2014. pp.16-22 [in Russian].
- Anfimov, Zyryanov, 1980** – Anfimov A.M., Zyryanov P.N. Nekotorye cherty evolyutsii russkoi krest'yanskoi obshchiny v poreformennyi period (1861 – 1914) [Some features of the evolution of the Russian peasantry commune in Russia after the Great Reforms (1861-1914)], The History of the URSS, 1980, Nr 4. pp. 26-41. [in Russian].
- Anfimov, 1980** – Anfimov A.M. Krest'yanskoe khozyaistvo Evropeiskoi Rossii [The peasant household of the European Russia], Moscow: Science, 1980. 200 p. [in Russian].
- Buganov, 2008** – Buganov A.V. Istoricheskaya pamyat' russkikh krest'yan: real'nost' i mify (XIX – nachalo XX vv.) [The historical memory of the Russian peasantry: reality and myths (XIX th – first half XX th centuries)], The New Historical Bulletin, 2008, Nr 18. P. 40-49 [in Russian].
- Bezgin, 2000** – Bezgin V.B. Obychnoe pravo russkoi derevni (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The common law of the Russian village (the second half of the XIXth – the first half of the XX th centuries)]. Tambov: Tambov State Technical University Publishing, 2000. 48 p.
- Gromyko, 1986** – Gromyko M.M. Traditsionnye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krest'yan XIX v. [The traditional norms of behavior and forms of communication of the Russian peasants of the XIX century], Moscow: Science, 1986. 278 p. [in Russian]
- Vorontsov, 2008** – Vorontsov V.P. The Gang and the Commune. Moscow: Astrel, 2008. 1078 p. [in Russian].
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Ryazanskoi oblasti [The State Archive of the Ryazan region].

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti [The State Archive of the Tambov region].

Doklady chlenov, 1877 – Doklady chlenov Ryazanskoi gubernskoi zemskoi upravy o revizii uездov Spasskogo, Sapozhkovskogo, Skopinskogo i Ryazhskogo [The reports of the members of Ryazan regional administration about audit of the Spasskii, Sapozhkovskii, Skopinskii and Ryasanskii counties], Moscow, 1877. 224 p. [in Russian].

Zemtsov, 2007 – Zemtsov L.I. Krest'yanskii samosud: pravovye osnovy i deyatel'nost' volostnykh sudov v poreformennoi Rossii (60 – 80-e gg. XIX v.) [The peasants' mob law: the legal basis and working of the volost courts in the Russia after the Great Reforms (60th – 80th years of the XIX century)], Voronezh: Voronezh State University Publishing, 2007. 264 p. [in Russian].

Zvonkov, 1889 – Zvonkov A.P. Sovremennyi brak i svad'ba sredi krest'yan Tambovskoi gubernii Elatomskogo uезда [The contemporary marriage and wedding among the peasants of the Elatomsky county of the Tambov region], The proceedings of the ethnographic department of imperial society for the Natural Sciences, Anthropology and Ethnography, Book IX. Vol. I. Moscow, 1889. P. 113 – 121. [in Russian].

Lyubutin, Kondrashov, 2007 – Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Dialektika povsednevnosti: Metodologicheskii podkhod [The Dialectics of everydayness: methodological aspect], Ekaterinburg: UrGU, UrO RAN-RFO Publishing, 2007. 295 p. [in Russian].

Matveev, 1913 – Matveev S. Iz zhizni sovremennogo krest'janskogo «mira» (V volostnykh starshinah) [From the life of modern peasantry «mir» (in the volost foreman)], Russian wealth, 1913, Nr 9, pp. 108–142 [in Russian].

Nafziger, Williams, 2012 – Nafziger S., Williams C. Serfdom, Emancipation, and Off-Farm Labour Mobility in Tsarist Russia // Economic History of Developing Regions. 2012, Vol. 27, Nr 1, pp. 1-37.

Repina, 2005 – Repina L.P. Konceptii social'noj i kul'turnoj pamjati v sovremennoj istoriografii [The concepts of social and cultural memory in the modern historiography], The phenomenon of the Past. M.: High School of Economics Publishing House, 2005. pp. 122-169 [in Russian].

Olick, Robbins, 1998 – Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. 1998, Vol. 24, pp.105-140.

Preobrazhenskij, 1893 – Preobrazhenskij F.A. Voprosy krest'janskogo samoupravlenija. Sel'skie uchrezhdenija i dolzhnostnye lica [The problems of peasantry self-governing. Rural Institutions and officials], Moscow, 1893. 87 p. [in Russian].

SSSRG, 1882 – Sbornik statisticheskikh svedenij Rjazanskoj gubernii [The collection of statistical information about Ryazan region], Vol. II, Is. II, Skopin, 1882. 266 p. [in Russian].

SDJePKRG, 1892 – Svod dannyh ob jekonomicheskom polozhenii krest'jan Rjazanskoj gubernii [The Summary of Data of the economical situation of peasants Ryazan region], Rjazan, 1892. 431 p. [in Russian].

Shatkovskaja, 2000 – Shatkovskaja, T.V. Pravovaja mental'nost' rossijskikh krest'jan vtoroj poloviny XIX veka: opyt juridicheskoi antropometrii [The legal mentality of the Russian peasantry in the second half of the XIXth century: an experience of the Law anthropology], Rostov-na-Donu, Rostov State Economical University Publishing, 2000. 304 p. [in Russian].

Shatkovskaja, 2009 – Shatkovskaja T.V. Institucional'nye osnovy obychno-pravovoj sistemy rossijskikh krest'jan vtoroj poloviny XIX - nachala XX vv. [The institutional foundations of the common law system of the Russian peasantry in the second half of the XIXth – first half XXth centuries], The Philosophy of Law, 2009, Nr 4, pp. 26-30. [in Russian].

Schwartz, 1982 – Schwartz B. The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory // Social Forces, 1982, Nr 61, pp. 375-402.

УДК 394

Трансформация повседневной исторической памяти крестьян центрально-черноземного региона в пореформенное время

Андрей Александрович Линченко ^{a, *}, Евгений Владимирович Беляев ^b

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Липецкий филиал, Российская Федерация

^b Липецкий эколого-гуманитарный институт, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются метаморфозы повседневной исторической памяти крестьян Центрально-черноземного региона. На основе конструктивистской методологии изучения исторической памяти преодолевается распространенный подход, связывающий историческую память крестьянства исключительно с историческими знаниями о царях, полководцах, исторических

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: linchenko1@mail.ru (А.А. Линченко), gack1@yandex.ru (Е.В. Беляев)

деятелях. Трансформации повседневной исторической памяти пореформенного крестьянства описываются в контексте изменения традиционных представлений крестьян о труде, быте и досуге. На материалах архивных источников, данных земской статистики показаны изменения традиционных норм, ценностей и ориентиров хозяйственной, правовой и семейной памяти русского крестьянства. В пореформенное время происходит существенная трансформация традиционных представлений о нормах и порядке ведения хозяйственной деятельности сельскими жителями. Показано, что традиционный опыт земледельческих практик крестьянства перестает выступать значимым ориентиром экономической деятельности, формирует иной облик хозяйственной памяти, выходящей за рамки циклов переделов земли и традиционных форм земельного наследования. Существенные изменения происходят и в отношении к традициям бытовой сферы. Делается вывод о том, что трансформация общественного самоуправления крестьянства в пореформенный период была связана с преодолением традиционного делопроизводства, стереотипов поведения должностных лиц. Правовой опыт прошлого утрачивает свое символическое значение, изменяя ценности и смысловые ориентиры правовой памяти. Показано, что заметное усиление критического отношения к традициям прошлого наблюдается в сфере семейных отношений. В данном случае трансформация семейных отношений была связана со стремительным переходом от расширенных семей к преимущественно нуклеарным семьям. Это приводит к изменениям семейной памяти, в которых патриархальные традиции прошлого перестают выступать значимым ориентиром поведения и образа жизни.

Ключевые слова: крестьянство, историческая память, «Великие реформы», повседневная историческая память.